

ПРОПАВШИЙ МУЖ

Сергей Щалов

Сергей Шалов

Пропавший муж

«Автор»

2026

Шалов С.

Пропавший муж / С. Шалов — «Автор», 2026

Когда майор полиции Семёнович планировал свой вечер, он хотел лишь двух вещей: тишины и пельменей «Сибирская коллекция» с уксусом. Но у вселенной, а точнее — у двух женщин в леопардовом кардигане, были другие планы. В дежурную часть врывается «потерпевшая» Екатерина Алексеевна: её муж, инженер Пётр с «тонкой душевной организацией», уехал продавать «Киа» и пропал. Вместе с ней — Елизавета Петровна, тёща-бронепоезд, готовая штурмовать прокуратуру и чистить биополе майора чесноком. Казалось бы, банальный семейный побег. Но Пётр оставил дома полмиллиона рублей наличными в пакете «Пятёрочка», жену, которая «раскрывает богиню» с помощью вебинаров, и тещу, которая спит с «однокурсником-поддержкой» Гришей. Семёнович думал, что просто пишет отказной материал, но вместо этого он вскрывает идеальную матрёшку лжи, где не доверяют даже результатам ДНК-теста на сына.

© Шалов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Суббота, день тяжёлый	5
Глава 2. Театр одного актёра и двух зрительниц	7
Глава 3. СОГ в деле. Скука смертная	10
Глава 4. Неделя тишины, или Симфония для рептилоидов с оркестром	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Шалов

Пропавший муж

Глава 1. Суббота, день тяжёлый

У нас в райотделе, граждане, суббота — это не день для шашлыков и созерцания природы. Суббота — это, если хотите, день сатурналий. День, когда законопослушный гражданин, задавленный пятидневной ипотекой и тёщей, срывается с резьбы. И вся эта сорванная резьба, вместе с гражданином, катится прямиком к нам. В дежурную часть.

А у меня, между прочим, законный вечер. Двадцать ноль-ноль. Я, может быть, о высоком думал. О бренности бытия. Или, по крайней мере, о пельменях. В холодильнике томила пачка «Сибирской коллекции». Ждала своего часа. Я уже и маслице в пиалку налил, и уксуса плеснул — для бодрости духа. И тут, понимаете ли, скрипит дверь.

Вваливаются две. Одна — в леопардовом кардигане, слёзы по щекам размазывает, но аккуратно, чтобы контуринг не поплыл. Это, как потом выяснилось, Екатерина Алексеевна. Потерпевшая. Жена. Вторая — в платке, но не для смирения, а чтоб уши не дуло. Елизавета Петровна. Тёща. Генеральный спонсор этого семейного драмкружка.

Садятся. Екатерина Алексеевна достаёт платочек, дышит в него, как в алкотестер. — Спасите, — говорит. — Пропал. Человек. Глава семьи.

А Елизавета Петровна смотрит на меня так, будто это я его лично в лес вывез. И на лопате. И вообще, я ей сразу не понравился. У меня, видать, аура не та. Не для её зятя.

Я, конечно, скорбь на лицо натянул. Делаю участливое лицо, а сам мысленно прощаюсь с невезучими пельменями. Они там, в темноте, наверное, уже инеем покрылись от тоски.

— Так, — говорю. — По порядку. Фамилия, имя, отчество пропавшего. Особые приметы. В чём был? Не в ластах ли?

— Пётр Фёдорович, — всхлипывает Катя. — В куртке синей. «Аляске». Состояние «капсула», почти не носил, только в поликлинику. Характер нордический. Молчун.

Я ручку взял. Пишу: «Гражданин П. Ф., нордический молчун в капсуле». Звучит как описание редкого вида йети, а не инженера.

— А чего молчун? — спрашиваю. — Работа секретная? Или вы, Екатерина свет Алексеевна, ему с утра до вечера втолковываете, где его место и кто он есть на этой земле?

Катя на меня глазами — зырк! Мол, как вы смеете, при живой вдове-то.

— Он, — говорит, — тонкая душевная организация. Он страдает. Мы, — тут она на тещу кивает, — мы для него стараемся. Создаём уют. Елизавета Петровна специально с нами живёт, чтобы с внуком, с Павликом, заниматься. Чтоб Петенька не отвлекался.

Ага, думаю. Чтоб не отвлекался. От созерцания тещиных бигудей на кухне. Я таких «помощниц» за двадцать лет службы наизусть выучил. Это как бесплатный Wi-Fi в отеле: обещают безлимит, а на деле — только почту проверить, и то по талонам.

— Крепкая, — говорю, — у вас ячейка общества. Прямо монолит. Как Мавзолей. А чего сбежал-то? От такого уюта только в петлю, а он, вишь, просто исчез.

— Он не сбежал! — взвизывает теща. Голос у неё, как у боцмана. — Он в банк поехал! Машину продавать! Мы «Киа» на «Шкоду» меняем, чтоб посвежей. А он — человек ответственный. Сказал: «Мама, я мигом». И пропал! Три часа! Три часа человека нет! Его убили! Ограбили! Коллекторы почки забрали!

Я протокол строчу. «Со слов потерпевшей, гражданин П. Ф. был подвержен нападению коллекторов с целью изъятия почек». Красота. Статья, конечно, не «сто пятая», а «двести сорок первая какая-то», но тоже весело.

— В каком банке? — спрашиваю.

— В «Сбере»! На Ленина! — хором отвечают.

Я смотрю на них. На леопардовый кардиган. На тещин платок. На часы. Двадцать пятнадцать. Пельмени, наверное, уже не просто замёрзли. Они, наверное, уже в летаргический сон впали.

— Значит так, — говорю. — Гражданин П. Ф. совершил сделку купли-продажи. Получил денежные средства. В размере, надо полагать, немало. И скрылся. В неизвестном направлении. Предположительно, за пивом.

— Какое пиво?! — Катя в истерику. — У него давление! Он капли пьёт! «Корвалол»! Он сердечник!

— От «Корвалола», — говорю, — граждане, в мотель с дамами не убегают. От «Корвалола» только на диване кряхтят и Первый канал смотрят. А у вас тут, простите, «Форсаж-9» намечается.

Тёща как вскочит. Костлявый лапкой по столу — хлоп! Так что бедная пиалка взлетела, как испуганная муха.

— Вы, — говорит, — милиция, или где? Вы почему над горем измываетесь? У меня зять — золото! Он гвоздь в стену вбить не может, потому что у него аура тонкая! А вы — мотель! Да я на вас жалобу! В прокуратуру! Бастрыкину напишу!

Я вздохнул. Протокол отложил. Посмотрел на них своим самым тяжёлым взглядом. Тем, от которого начинают писать чистосердечное признание даже самые отпетые рецидивисты.

— Гражданки, — говорю тихо так, проникновенно. — Я за день трех алиментчиков поймал, одного карманника и одну бабку, которая пыталась расплатиться в «Пятёрочке» сушёными мухоморами. У меня нервная система — как канат на «Титанике». Ещё пять минут вашего ультразвука, и я сам кого-нибудь убью. Статью переквалифицируют в «превышение в состоянии аффекта». Дайте мне хоть «Корвалола» глотнуть.

Они притихли. Испугались. Поняли, что перед ними не мальчик в форме, а уставший языческий бог, которому забыли принести жертву в виде тишины.

— Заявление, — говорю, — пишите. По форме. «Прошу найти моего мужа, так как он не вернулся из банка». И идите домой. Смотреть сериал. И «ауру» чистить. Чесноком. Помогает.

Вышли они. Дверью, конечно, хлопнули. Не со зла, а для акустического эффекта. А я сижу. Смотрю на остывший чай. И думаю. Вот ведь жизнь. Была у человека «Киа». Хотел «Шкоду». А получит сейчас, чувствую, такую «Шкоду» по хребту от Екатерины Алексеевны, что капсула не спасёт.

И пельмени. Пельмени-то я так и не поел. Остались они там, в холодильнике. Одинокие. Как Пётр Фёдорович в этом своём Берёзовом. Эх, жизнь моя жестянка. Ни тебе романтики, ни тебе горячего ужина. Одно расстройство. И статья 105. На пустом месте.

Глава 2. Театр одного актёра и двух зрителей

Допрос — это, граждане, вам не в «Что? Где? Когда?» играть. Тут интеллект нужен особый. Не тот, что формулы знает, а тот, что сквозь человеческую шелуху до самой сути, до гнильцы добирается. Я этих двух — Екатерину Алексеевну и Елизавету Петровну — рассадил по разным углам кабинета. Чтобы, значит, сговору не было. А то они в коридоре так шептались, что в кабинете шторы раскачивались.

Первой запустил Катю. Она вошла, села на краешек стула. Поза «Лебедь умирающий, третья позиция». Спина прямая, взгляд в пол, руки на коленях сложила. Святая. Мученица. Только вот от мучениц «Шанель» так отчаянно не пахнет. И тушь, я смотрю, свежая. Дорогая. Из того самого «Золотого яблока», где консультанты смотрят на тебя, как на неудачную шутку природы.

— Ну что, — говорю я ей ласково, как налоговый инспектор. — Рассказывайте. С самого начала. Как докатились до жизни такой.

— До какой? — шепчет она, а сама ресницами — хлоп-хлоп. Будто у неё там дворники встроенные.

— До семейной, — говорю. — До крепкой. Вы же сами в заявлении писали: «Жили душа в душу, без скандалов, Петенька — ангел».

Катя всхлипнула. Аккуратно. Одним глазом.

— Мы и правда... без скандалов. Пётр — он же молчун. Интроверт. У него внутренний мир.

— Ага, — киваю. — Мир есть. А входной двери в этот мир нет. Заперто изнутри. И вы с маменькой в эту дверь колотитесь, как опергруппа на задержании. Значит, «без скандалов» — это когда он молчит, а вы с Елизаветой Петровной на кухне решаете, куда его тапки переставить, чтобы по фэн-шую было?

Она на меня зыркнула. Но быстро спохватилась, опять в «Лебедя» превратилась.

— Мама просто помогает. Она с внуком сидит. Чтоб я, как женщина, могла развиваться. Я вот на вебинар записалась. «Раскрой в себе богиню».

— И как? — спрашиваю. — Богиня уже показалась? Или пока только счета за вебинар шлет?

Тут она губы поджала. Поняла, что со мной в «богиню» играть — что в шахматы с голубем. Он всё равно доску опрокинет и улетит рассказывать, как он тебя уделал.

— Он, — говорит, — всегда был... скрытный. Но добрый. Мы ему кабинет его отдали. Под рабочий кабинет. Чтоб творил.

— Кабинет — это хорошо, — говорю. — Это по-царски. А где он, простите, творил? На коврик в прихожей? Или в ванной, сидя на стиральной машине?

— Почему... — она замялась. — У него уголок был. В нашей спальне. За ширмочкой. А в большой комнате теперь у Павлика игровая. И у мамы — зона релаксации с ионизатором.

Я, граждане, в этот момент чуть протокол не уронил. Ширмочка! Мужу под сорок, инженер, а рабочее место — «за ширмочкой». Да за такой ширмочкой только Карлсон от Фрекен Бок прятаться может. Я эту квартиру ихнюю вмиг дорисовал. Четырёхкомнатная. Сталин-

ской планировки. А по факту — коммунальная квартира повышенной комфортности. Где Пётр — это такой шумный бытовой прибор. Вроде пылесоса. Вроде нужен, но лучше бы его не видно и не слышно было. Сунул в розетку, он порычал, пыль поглотал — и за ширмочку.

— Понятно, — говорю. — Схема ясная. Пётр — это мебель. Стенка румынская. Полированная. Стоит, глаза мозолит, пыль собирает, но выкинуть жалко — антиквариат. А тут он возьми и уйди. Сам. Как табуретка. Ушёл и унёс с собой четыре ножи. Это, Екатерина Алексеевна, не похищение. Это бунт предметов.

Она опять в слёзы. Но уже не так художественно. Скорее, от досады, что ширмочку её сразу раскололи.

Выпроводил я её. Пригласил Елизавету Петровну.

Вот это, я вам скажу, экземпляр. Женщина-бронепоезд. С виду — божий одуванчик, а в глазах — сталь холодная, как скальпель патологоанатома. Села. Ногу на ногу закинула. Юбка строгая.

— Чаю? — спрашиваю. Для издевательства.

— Я, — говорит, — молодой человек, на работе не пью. И не ем. Я делом занята. Зятя ищу. Который по вашей милости где-то шляется.

— А чего его искать? — говорю. — Он, небось, сейчас в «Шкоду» садится. Радует. Свобода — это осознанная необходимость, Елизавета Петровна. Она дорогого стоит. Дороже «Киа».

Она на меня посмотрела, как на таракана в борще.

— Вы, — говорит, — Петю не знаете. Он — телок. Телок домашний. Его палкой из дома не выгонишь. Это Катюша его довела. Своим непониманием. И вы, органы, тоже. Вместо того чтобы искать, вы тут философию разводите.

— А чего ему понимать? — спрашиваю. — Он инженер. У него мозг, как калькулятор «Электроника». Он факты любит. Пришёл домой — факт. Поел — факт. Жена с другом в Турцию улетела — тоже, знаете ли, медицинский факт. От такого факта даже «Электроника» задымится.

Тёща как подпрыгнет.

— Да вы... вы... Да как вы смеете! На беззащитную женщину! Она жертва! Она запуталась! Она между двух огней! Между Петей и Гришей!

А вот это, граждане, уже интересно. Это уже не «ширмочка». Это уже «меню».

— Гриша? — говорю. — Это кто у нас? Очередной «ионизатор»? Или «зона релаксации»?

— Гриша — это друг детства! — лепечет она, но глазки-то забегали. — Однокурсник! Поддержка!

— Ага, — говорю. — Поддержка. И не только моральная, судя по тому, как вы оправдываетесь. И давно этот «однокурсник» ее в «зоне релаксации» релаксирует?

Она поняла, что сболтнула лишнего. Замолчала. Губы в нитку. Смотрит в окно. А там, за окном, жизнь идёт. Люди идут. Кто за хлебом, кто от жены. Красота.

Я протокол дописал. «Со слов тёщи, зять — телок, дочь — жертва обстоятельств и гормонального сбоя, а некий Гриша — просто мимо проходил, чаю зашёл попить».

— Идите, — говорю. — Елизавета Петровна. И чеснок свой домой заберите. А то у меня от вашей ауры уже изжога начинается. И вот что. Если ваш «телок» завтра к вечеру не найдётся, я дело по «сто пятой» возбужу. И поедете вы, гражданочка, как организатор преступной группы. За подстрекательство к побегу из-под каблука. У нас, знаете ли, сроки за это не дают, но нервы мотают — будь здоров.

Ушла она. Дверью не хлопнула. Придавила. Чтоб косяк треснул.

А я сижу. Смотрю на два протокола. На одном — «жертва богини», на другом — «телок и Гриша». Налил себе чаю. Холодного. Без сахара. Потому что от такой концентрации сахара в их жизни у меня, здорового мужика, диабет начинается.

Пельмени, граждане. Вот о чём я думал. Они там, в ледяном заточении. А я тут — в жаре. От тещ. И ведь самое обидное — не найдут они его. Потому что он не потерялся. Он, сукин сын, просто геолокацию поменял. И правильно сделал, между прочим. Я бы на его месте ещё и фамилию сменил, чтобы наверняка. На «Сизифов». Чтоб уж совсем символично было.

Глава 3. СОГ в деле. Скука смертная

Когда начальство слышит словосочетание «крупная сумма денег» и «пропал без вести», у него, граждане, в глазах начинают крутиться звёздочки. Не те, что на новогодней елке, а те, что на погонах. Потому что это — палка. Раскрытие. Премия. И возможность на совещании в Главке так значительно кашлянуть, что у соседей по столу уши закладывает.

Поэтому на следующий день, в воскресенье (воскресенье, Карл! Мой единственный день, когда я имею право пахнуть не валидолом, а шашлыком), подняли СОГ. Следственно-оперативную группу. В полном составе.

Выезжаем. Впереди — машина ППС, сзади — «дежурка» с экспертом-криминалистом. Эксперта нашего зовут дядя Вася. Дяде Васе лет шестьдесят, он видел Ленина, динозавров и столько трупов, что на него самого без напатыря смотреть страшно. У дяди Васи два состояния: либо он спит, либо ест. Сейчас он находился в промежуточной фазе — жевал холодную сосиску в тесте, завернутую в «Российскую газету».

— Вася, — говорю ему, когда мы на автобазу приехали, — ты хоть салфетку возьми. А то у тебя на усах «Вести недели» остались.

— Это, — говорит Вася с набитым ртом, — не «Вести». Это программа телепередач. Я её на просвет смотрю, как рентген. Ищу тайные знаки. Вот, видишь, на пятой странице кроссворд недоделан. Это к дождю.

Я махнул рукой. С таким не поспоришь. Это всё равно что спорить с холодильником.

Приехали на автобарахолку. Воскресенье. Народищу — тьма. Пахнет жжёным сцеплением, дешёвым табаком и отчаянием. Мы оцепили место, где Пётр свою «Капсулу» (то бишь «Киа») продавал. Ходят опера, людей опрашивают.

А люди, граждане, на барахолке — они особенные. У них язык свой. Эзопов.

Подходит наш опер, лейтенант Кулебякин, к мужичку в кожанке. Тот на корточках сидит, семечки лузгает.

— Слышь, отец, — говорит Кулебякин. — Тут «Киа» чёрная продавалась. Седан. Хозяин — в синей куртке. Видел?

Мужичок семечку выплюнул. Посмотрел на лейтенанта, как на муху перед носом.

— Ну.

— Что «ну»? Продалась?

— Состояние «капсула», — говорит мужичок. — Пробег, как до Марса. Резина — «липучка», но липнет только к дивану. Отдали за бесценок. Тысяч на двести ниже рынка. Потому что «срочно».

— Почему срочно? — напрягся Кулебякин.

— А потому, — мужичок понизил голос до шёпота, — что «вдовец». Или «ипотека душит». Или «еду к теще на блины, навсегда». Тут, сынок, психология. Машина — это же не железо. Это диагноз. Эта «Киа» кричала: «Заберите меня хоть за хлеб, лишь бы не видеть этих глаз!».

Кулебякин ко мне подходит. Рапортует:

— Товарищ майор, машина ушла. Покупатель — лицо кавказской наружности на «Приоре». Номера не запомнил, потому что ослеп от блеска фар и жадности.

Я вздохнул. Пошли к банку. «Сбер». Стекло, бетон, уныние. Заходим. Дядя Вася сразу к охраннику.

— Пирожки есть? — спрашивает.

— Какие пирожки, дед? — злится охранник. — У нас тут биометрия! Безопасность!

— Какая безопасность, — бурчит Вася, — если закусить нечем. У вас тут атмосфера нервная. Небось, инкассаторы вчера приезжали, всю вендинговую лапшу съели.

Осмотрели банк. Камеры. Ну, граждане, это в кино след от пальца на стекле — это улика. В жизни след от носа Екатерины Алексеевны на этом стекле — вот это улика. Она, видать, так рыдала и прижималась, что оставила жирный отпечаток своего горя.

— Так, — говорю эксперту. — Вася, сними. Отпечаток скорби. Пригодится.

Вася фыркнул, достал порошочек. Посыпал. Слепок снял.

— Хорошая, — говорит, — баба. Щедрая. Столько сала на стекле оставила — на целую зиму хватит. Четвёртый размер. Не меньше.

Вышли на улицу. Собака. Привезли нам овчарку. Умница пёс. По кличке, кажется, Граф. Или Барон. Что-то аристократическое. Хозяин его, кинолог, говорит:

— Товарищ майор, Граф — лучший нюхач в области. Он нам сейчас тропинку покажет!

Дали Графу ботинок Петра (тёща из дома привезла, в пакете «Пятёрочка», чтоб форму не потерял). Граф понюхал. Чихнул. Посмотрел на кинолога. И сел. Делать свои собачьи дела. Прямо на газон.

— Он, — оправдывается кинолог, — в растерянности. Запах сложный. Тут «Кожаная куртка, серия "Эконом"», «Страх перед тёщей» и отчётливый шлейф «Пельменей с уксусом». У него когнитивный диссонанс. Он не знает, куда бежать: искать хозяина или просить у меня пожрать.

— Корми, — говорю. — Раз у него диссонанс. И поехали. Нечего тут экологию нарушать.

Вернулись в отдел. Я сел за стол. Передо мной — гора макулатуры. Объяснения. Рапорты. Фотографии синей куртки на фоне ржавых гаражей.

Входит дядя Вася. Жует. Теперь у него на усах крошки от беляша.

— Семёныч, — говорит. — Я тут экспертизу провёл. По телефону.

— Чего? — не понял я.

— Ну, биллинг. Куда звонил наш беглец. Так вот. С момента, как он из банка вышел, аппарат абонента выключен. Или находится вне зоны доступа. А вне зоны доступа он может быть только в одном месте.

— В Тибете? — спрашиваю.

— Нет, — Вася дожевал. — В мотеле. Там, знаешь ли, такие железобетонные перекрытия, что даже «Сбербанк Онлайн» не пробивает. И баб оттуда, — он хитро прищурился, — биллингом не вычислишь. Их только носом чуют. Как я чую, что в шестом кабинете пончики привезли.

Я откинулся на стуле. Посмотрел в окно. Темнело.

Вот она, романтика сыскной работы. Грязь. Семечки. Собака, которая хочет в отпуск. И две бабы, которые сейчас, наверное, мечут икру на кухне, проклиная меня, банк и эволюцию.

— Вася, — говорю. — Пиши в отчёте. «В ходе оперативно-разыскных мероприятий установлено, что гражданин П. Ф. скрылся в неизвестном направлении, предположительно, в сторону снижения ответственности и повышения уровня эстрогена в крови. Местонахождение уточняется. Собака Граф направлен на реабилитацию в профилакторий для нервных псов».

— Может, — говорит Вася, — напишем, что он инопланетян встретил? У меня брат жены так от алиментов прятался. Сказал, что его НЛО забрало. Прокурор поверил. Потому что логичнее.

Я подписал ему путёвку на пончики. А сам подумал. Вот сидит где-то сейчас Пётр. Пьёт пиво из банки. Смотрит в потолок. И тишина. И нет никого. Ни ширмочки, ни ионизатора, ни «Раскрой в себе богиню». Только «Капсула» в виде наличных в кармане.

И знаете что, граждане? Я ему в тот момент даже позавидовал. Немного. Самую малость. Ровно на одну сосиску в тесте.

Глава 4. Неделя тишины, или Симфония для рептилоидов с оркестром

Понедельник, граждане, — день тяжелый. Это любой школьник знает. А вторник — он еще тяжелее, потому что в понедельник ты только раскачиваешься, а во вторник на тебя уже навалили всё, что не успели в понедельник. У меня на столе папка с делом гражданина П. Ф. распухла, как печень у завсегдатая рюмочной.

Сверху лежит рапорт. Красивый. Официальный. «В связи с отсутствием события преступления и наличием здравого смысла у оперуполномоченного, полагал бы материал списать в номенклатурное дело». Подпись: «Майор Семёнович».

Я эту бумажку поднес к лицу, понюхал. Пахло свободой. Пахло пельменями. Пахло выходным.

И тут, как назло, зазвонил телефон.

Зуммер у нас в отделе старый, дисковый еще, с характером. Он не звонит, он орёт благим матом, будто ему дверью причиндалы прищемили.

— Алло, — говорю. — Морг. Вскрытие слушает.

— Игорь Семёнович! — это Катя. Голос такой, будто она не в трубку говорит, а в эхолот. — Он не объявился?

— Екатерина Алексеевна, — говорю я ласково, — а вы календарь давно открывали? У нас там, знаете ли, не 1941 год. Война не объявлена. Чего ему объявляться? Он, может, визу в Шенген делает. На ПМЖ. От вас.

— Вы шутите! — рыдает она. — А я всю ночь не спала! Я гадала! На воске!

Я аж трубку чуть не выронил. На воске. В двадцать первом веке. Когда у нас искусственный интеллект скоро в «Пятёрочке» на кассе стоять будет и хамить покупателям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.